

Итак, Роман Гилев оказался в Урсите, но плоть его по-прежнему пребывала в сторожевой башне; легким невидимым фантомом пролетел он по улицам прекрасного города. Так пожелал Хончо. Казалось, возможности его дьявольских машин безграничны, и даже ОНИ, властительницы Тарна, не могли представить, какое могущество сосредоточено в руках принципата Севера.

Тело разведчика лежало на матовом диске в лаборатории Хончо. Роман был полностью одет, перевязь огромного меча посверкивала на груди тусклым золотом, полупрозрачная тексиновая вуаль покрывала его словно саван. Хончо стоял рядом. В просторном помещении не было никого, ньютер отослал прочь своих помощников и цебоидов охраны. Снова и снова он вглядывался в спокойное лицо своего пленника, и маска бесстрастности начинала сползать, расплываться, развеиваться, как дым Зависть и страх, ненависть и ревность промелькнули в бездонной зелени глаз. И – восхищение. Боязливое восхищение раба, узревшего господина.

Разум Романа незримой тенью блуждал, но улицам и площадям великого города. Спиральные башни Урсита, раскинувшегося на гигантской равнине, ввинчивались в облачное небо. Над широкими проспектами играли струи фонтанов, взметнувшись вверх, воды рассыпались смесью цветного тумана и музыкальных аккордов. Раньше он не мог представить, что в мире существуют такие звуки. Музыка была всюду – и нигде; она окутывала разум неощутимой легкой пеленой, и все горести мира оставались по другую сторону этой гипнотической завесы.

Затянутое молочной мглой небо застыло над крышами домов и остроконечными ликами башен. Теперь Роман понимал, почему небеса Тарна выглядят так странно – их скрывала защитная пелена, рассеивающая свет Мейн, единственная культура, что возделывалась здесь, не выносил прямых, солнечных лучей. Город поражал чистотой. Кто следил за этим? Роман нигде не видел ни машин, ни работающих людей. Улицы переполняла праздная толпа цебоидов и ньютеров, но он не мог уловить смысла в их бесцельной суете.

Он плыл над Урситом, волны музыки покачивали, ласкали его. Все ближе и ближе к центру, туда, где башни подпирают молочные облака, где струи фонтанов разноцветными иглами вонзаются в ароматный воздух. И там он впервые увидел ИХ.

Женщины. Величественные, богоподобные. Пре красные женщины!

Он читал про НИХ, он был готов к встрече, и все же испытал шок. До этой минуты он не ведал, не мог представить, что такая женская красота существует. Высокие, стройные, гибкие, как тростник... Их кожа отливала золотом, волосы – белокурые, темные, огненно-рыжие – свободно падали на плечи или были собраны в сложные прически. Казалось, у всех одинаковый наряд – нагрудник и что-то похожее на короткую тогу – но от ярких цветов, вышивки, украшений рябило в глазах.

Женщины встречались поодиночке, парами или группами; часто их сопровождали цебоиды и слуги-ньютеры. Некоторые шли обнявшись. Их было не так много – около тысячи, насколько Роман помнил наставления Хончо – но аромат женской плоти от края до края заполнял простор площадей и улиц. Они беседовали, и слова на правильном, звучном тарниотском были понятны Роману; однако разведчик не вслушивался в живую музыку их речей. Время шло быстро, отпущенный ему минихронос истекал. Скоро начнется сакр – сакр в Урсите, совсем не такой, как в диких ущельях питцинов.

Он увидел, как женщины потянулись к высокой, похожей на заточенный карандаш башне в центре города. Дворец! Легендарный Дворец Урсита, место, куда должен вернуться священный меч. Там празднуют сакр, и там сегодня двадцать мужчин расстанутся с жизнью. Те Двадцать,

о которых вспоминал Мойна, маленький ньютер с плантации Зиготе. Как давно это было!

Вокруг Дворца раскинулась площадь; тексиновые плиты мостовой, переливаясь радужным сиянием, стекали к огромному изображению фаллоса перед главным входом. То был символ Мазды, воплощение мужской силы. Две женские статуи застыли рядом, облаченные в белые одеяния и похожие, как близнецы. Астар и Исма, повелительницы Тарна. Астар – Божественная Королева, Исма – Верховная Жрица.

Роман вспомнил, с какой иронией Хончо произносил эти титулы. Тысяча прекрасных женщин – слишком мало, чтобы поддерживать цивилизацию. Они поклонялись мужскому фаллосу, символу плодородия, воскресения и бессмертия, священному знаку непрерывности жизни. Но жизнь была готова прерваться в любой момент. Тарн был умирающей страной.

Роман-призрак скользнул под аркой центрального входа. По наклонному пандусу женщины поднимались к арене, усыпанной розоватым песком. Над ней, в неизмеримой высоте купола, парил туманный светящийся шар. Теперь Роман уже не высматривал подводящих кабелей и проводов; он знал, что энергия передавалась на расстояние невидимыми пучками силовых лучей. Где-то в Урсите или в другом месте был скрыт главный Энергетический Бассейн – гигантский механизм, обеспечивающий жизнь и безопасность Тарна. Хончо потребовал найти его и вывести из строя. Тогда опадут мощные силовые экраны, защищавшие границы, и никто не сможет послать опустошительные Красные Бури; питцины, как древний рок, ворвутся в страну.

Если на то будет божественная воля Мазды.

Амфитеатр над ареной заполнялся; лишь тихий шепот женщин тревожил тишину. Роман ощущал исходивший от них чувственный аромат. В середине арены оставалось пустое пространство – два резных трона стояли там, в ожидании владычиц Тарна. Всепроникающая музыка вдруг стихла, потом раздалось долгое, протяжное и торжественное пение труб. Две стройные фигуры в золотых нагрудниках и пурпурных тогах появились на арене. Астар и Исма. Королева и Жрица. ОНИ.

Роман, бесплотный дух, парил под куполом амфитеатра. Бледное лицо королевы приподнялось, застыло в бесстрастной надменности. Он видел нежный овал щек, полузакрытые глаза, маленький твердый подбородок. Что-то странное было в ее облике – словно повелительница Тарна пребывала в наркотическом сне, на грани реального мира.

Исма, Верховная Жрица, хлопнула в ладоши. Труды загремели медью. Высоким и чистым голосом жрица пропела:

– Пусть начнется сакр! Пусть двадцать войдут!

Над громадным песчаным кругом воцарилась тишина. Труды смолкли. Бесшумно распахнулась дверь, и колонна; мужчины в доспехах появились на арене. Жалкое зрелище, решил Роман, разглядывая обезображенные, уродливые фигуры. Одни были приземистыми, ростом не больше полутора метров, другие – долговыми и тощими. Узкогрудые, с выпирающими животами, огромными ступнями... Пародия на мужчин! Да, Хончо выбрал удачный момент для переворота. Тарн вырождался, сила и отвага умерли, мужская линия пресеклась....

Опять заиграла музыка. Колонна в парном строю двинулась вокруг арены. Сверкающие доспехи, высокие шлемы, мечи, и щиты придавали этим людям иллюзорную мужественность. Проходя мимо трона, они поднимали свои короткие клинки, напомнив Роману идущих в бой римских гладиаторов.

Двадцать мужчин выстроились перед тронами. Плотная толпа женщин загудела, зажужжала, охваченная волнением и любопытством. Взгляд королевы по-прежнему не выражал ничего. Холодная и равнодушная, она застыла в своем кресле как мраморное изваяние. Исма подняла руки и снова хлопнула в ладоши.

На пяточке свободного пространства меж тронами владычиц начал материализоваться старик. Высокий, сухой, с зелеными глазами и бесстрастным неподвижным лицом. Ньютер! Старый, как вечность! Таких Роман еще не встречал. Седые волосы, изрезанная морщинами кожа.... Сколько хроносов даровали ему боги Тарна?

Старик поклонился, полы богатого одеяния взметнулись. В ответ Исма слегка кивнула головой; королева осталась недвижимой. Звонкий голос жрицы прозвучал над ареной:

– Приветствую тебя, Сута, властитель ньютеров. Ты знаешь свои обязанности. Приступай!

Сута опять поклонился, затем, обежав взглядом шеренгу мужчин, медленно шагнул к ней. Сгорбившись, волоча ноги, он шел мимо двойного ряда опереточных воинов, и презрительная улыбка блуждала по его изъеденному временем лицу. Роман посмотрел на владычиц Тарна. Астар сидела с тем же отсутствующим взглядом, полузакрыв глаза, не обращая внимания на происходящее. Но Исма наклонилась вперед – словно нетерпеливый зритель, ожидающий, что театральные занавес вот-вот взлетят под потолок.

Сута выбрал самого крупного и сильного на вид мужчину и вывел его из строя. Избранник снял доспехи и вместе с оружием сложил у своих ног. Теперь он был совершенно нагим, и Роман с удивлением и жалостью смотрел на его щедрое тело. Сута принялся расставлять остальных – одного туда, другого сюда, словно шахматные фигурки на доске. Один за другим мужчины разоблачались, как только старый ньютер указывал им места.

Роман наблюдал за женщинами. Смех и перешептывания прекратились, но какой-то прерывистый звук нарушал тишину. Прислушавшись, разведчик понял – то было дыхание сотен женщин. Тяжелое, возбужденное дыхание пульсировало под куполом. Они не шевелились, но каждая напряглась, как натянутая тетива. Роман ощущал исходящий от них запах – не аромат благовоний или здорового женского тела, а жаркий мускусный запах предвкушения.

Он знал, что должно произойти. Это сакральное действо, несмотря на несколько комический оттенок, было важным событием для женщин. И, с иронией подумал Роман, могло фатально закончиться для мужчин. Он сомневался, что эти жалкие развалины были способны пережить то испытание, которое им предстояло.

Старый ньютер закончил расставлять пешки на воображаемой шахматной доске и поклонился владычицам. Глаза Астар были по-прежнему устремлены в бесконечность. Исма подняла руку. Шелест торопливо срываемых одежд наполнил арену, к Роману, ослепленный, на миг прикрыл глаза. Затем рука жрицы резко опустилась, и начался штурм.

То, что видел Роман, напоминало ему сцену в одном из Московских магазинов во время дешевой распродажи. Правда, с одной существенной поправкой: толпа, хлынувшая к вожделенному товару, на этот раз состояла из обнаженных женщин. Звериный оскал обезображивал их прекрасные лица, груди и бедра тряслись, сплетенные в борьбе тела утратили величие древнегреческих статуи. Они превратились и дикую орду, в стаю волчиц, стремившихся захватить добычу. Мужчины, покорно стоявшие рядом со своим снаряжением, были сметены и повергнуты наземь потоком розово-смуглой плоти, бушевавшей, словно океанский прибой. Стоны, крики и визг наполняли воздух, из длинных царапин, оставленных

ногтями, потекла первая кровь.

Ошеломленный Роман понял, что не в силах уследить за всеми перипетиями битвы и сосредоточил внимание в центре арены. Тут сражение завершилось довольно быстро. Высокая рыжеволосая красавица с сильным гибким телом оседлала повергнутого мужчину, успешно отбиваясь от соперниц. Ее преимущество было бесспорным и после нескольких раундов остальные претендентки отступили. С таким же результатом заканчивались схватки в прочих местах арены: побеждала сильнейшая.

Громоподобный рев трубы прервал сумятицу. Разочарованные женщины отхлынули к стенам и стали одеваться; двадцать счастливых победительниц бросились на свои жертвы. Те не сопротивлялись. Пассивные и покорные, как автоматы, они лежали на розовом песке, почти не реагируя на стоны и вскрики раскачивающихся над ними женщин. Желание и страсть не играли в них – даже в том примитивном животном смысле, как это понимали в Тарне. Роман зажмурился, не в силах глядеть на поругание мужского рода.

Впрочем, это продолжилось недолго – как он и предполагал при первом обзрении хилых тел тарниотов. Снова прозвучала труба, женщины поспешно удалились, и Роман почувствовал, что развлечения и игры завершены. Следующим номером программы шли более серьезные дела. Мужчины поднялись, стряхивая песок, натянули свои доспехи и выстроились в две линии друг против друга. Верховная Жрица хлопнула в ладоши и провозгласила:

– Внесите священный огонь!

В дверях, что вели в зал, появилась группа цебоидов. Они тащили большую платформу из тексина, на которой спиралями завивалось пламя. Сута подошел к огню, медленным торжественным движением посыпал в него какой-то порошок, потом резко отшатнулся в сторону. Клубы бурого дыма взвихрились над пламенем. Старый ньютер поднял тонкую руку:

– Пусть начнется священный бой!

Музыка взорвалась лязгом стальных клинков, грохотом литавр, мерной дробью барабанов. Женщины молча, следили за сражением. Роман должен был признать, что некоторые бойцы, несмотря на жалкий вид, неплохо владеют оружием. Но лишь единственный из них мог стать победителем в этой битве.

Один за другим падали сраженные воины, головы катились по залитому кровью песку. Два последних бойца, усталых и израненных, долго обменивались ударами. Наконец один из них со сдавленным гортанным криком рухнул на колени, потом медленно осел на землю. Победитель отсек ему голову, перевернул тело и быстрым движением короткого клинка вырезал гениталии. Нагнувшись, он поднял окровавленную плоть и швырнул в огонь.

Загремели трубы. Священное пламя приняло жертву, и теперь до следующего сакра Тарн будет жить в мире. Границы его останутся нерушимыми, слуги – покорными, порядок – неизменным. Праздник подходил к концу, и Роман знал, что где-то там, в далекой башне на севере, зеленоглазый ньютер готовится сделать решающий ход. Будет ли он придерживаться первоначального плана? Или в голове Хончо зреют другие замыслы, в которых Роману нет места?

Исма поднялась и протянула руку к израненному победителю.

– Ты останешься в живых и будешь Хранителем Клетки в течение мегахроноса, – чистый сильный голос жрицы наполнил огромный зал, казалось, священный огонь колебался в такт ее

словам. – Ты заслужил это право в бою. Так гласит закон, так сказала я, Исма, Верховная Жрица. И я повелеваю...

Его час пришел. Роман чувствовал, как наливается тяжестью тело, как наполняет легкие воздух, как земля под ногами становится твердой, ощутимой. Одежда вновь касалась его кожи, громадный меч оттягивал руку, мышцы обрели силу. Он жив! Он обрел плоть! Хончо сдержал слово, он больше не бесплотный призрак, не фантом, он – живой! Ликование переполняло Романа, охваченный эйфорией нового рождения, он был готов испустить торжествующий победный клич. Но время, замершее на миг, двинулось снова, и Роман вспомнил все – где он и что ему предстоит. Ясная холодная мысль прошла его разум: здесь, в Урсите, он недосягаем для Хончо. Он свободен!

Его огромная фигура в сверкающих доспехах материализовалась между креслами владычиц – там же, где появился Сута. Над ареной повисла мертвая тишина. Исма, с полуоткрытым от изумления ртом, уставилась на возникшего из пустоты исполина. Веки Астар, Божественной Королевы, дрогнули и поднялись. Сута, сложив руки на впалой груди, не сводил с разведчика раскосых зеленых глаз. Он смотрел испытующе, спокойно, будто появление Романа совсем не удивило его.

Сверкающее лезвие меча поднялось вверх и застыло; камни на рукояти древнего оружия пылали огнем. Все могли видеть и узнать сокровище Тарна, священную реликвию, утерянную много мегахроносов назад. Роман счел, что дебют удачен и, взмахнув мечом, прогремел:

– Здесь повелеваю я, Исма! Я, Мазда, который пришел к вам, как гласили древние пророчества! И вы подчинитесь мне!

Женщин охватил ужас. Одни упали на колени, другие, стиснув руки, с трепетом взирали на бородатого гиганта. Роман почти физически ощущал затопившую их волну страха – и надежды. Ибо Мазда, защитник, благой бог, наконец-то пришел к ним после долгих, долгих мегахроносов забвения.

Он бросил взгляд на повелительниц Тарна. Веки Астар снова опустились, она застыла в кресле как деревянная кукла, безразличная, равнодушная. С ней что-то не так, отметил Роман, переключив внимание на жрицу.

Исма выпрямилась и распростерла руки:

– Если ты – Мазда, наш господин, то принеси жертву, которую мы ждем!

Эта часть спектакля была самой неприятной. Но роль следовало играть до конца, ибо ставкой здесь являлась жизнь. Роман снова взмахнул мечом и сделал шаг к съезжившемуся от ужаса тарниоту.

– Защищайся! – рявкнул он.

Последний из двадцати попятился, не спуская глаз с чудовищного клинка; его глаза загнанного зверя молили о пощаде.

– Подними меч, – приказал Роман. Видит Бог, ему не хотелось убивать это ничтожество! Но сценарий пьесы был написан не им.

На мгновение мужество вернулось в сердце тарниота. Он поднял свое оружие, меч дрожал в его руках. Внезапно он швырнул клинок и бросился перед Романом на колени.

- Я не могу,... не могу сражаться с Маздой.... Пощади, повелитель! Я...

Меч свистнул, голова в шлеме с высоким гребнем упала на песок. Роман прикрыл глаза, повторял про себя, что это – жертва, не убийство. Но обман не удался. Он знал, что расправился с беззащитным человеком, молившим о пощаде.

- И никакие законы Тарна не могли убедить его в обратном.

По самое худшее было впереди. Роман сделал все быстро – иначе он не смог бы сделать этого вообще. Когда пламя охватило плоть, он вскинул на плечо окровавленный меч и гневно уставился на Изму. Долгую секунду они мерялись взглядами, и Роман видел, как в темных пронизательных глазах жрицы мелькнуло сомнение. Ее красота ошеломляла. Он понял, что эта женщина не верит ему; ее предстояло завоевать – или уничтожить.

- Я – Мазда, – повторил Роман. – Я пришел, чтобы спасти Тарн. – Меч на его плече дрогнул, готовый разить без пощады. – И я повелеваю: ты, Исма, придешь в мои покои, и мы будем говорить о судьбах страны. Ты придешь одна. Я, Мазда, сказал!

Взгляд женщины задержался на огромном мече, потом медленно, снизу вверх, скользнул по могучей фигуре Романа. Едва заметный вздох да побледневшие щеки выдали ее возбуждение. Жрица слегка склонила голову.

- Ты – Мазда, наш господин, – тихо произнесла она, но Роман заметил, как иронический огонек сверкнул в бездонных темных глазах. – Все повеления твои будут исполнены. Сута проводит тебя и прислужит тебе, владыка. И я приду, как ты приказал. Скоро.

Роман, сжимая меч, неторопливо и величественно проследовал за старым ньютером к выходу. Пока он не мог понять, выигран ли первый раунд. Переступив порог, он услышал за спиной нарастающий гул сотен голосов. Женщины узрели землю обетованную.